

ВИКТОР КУЗЬМЕНКО

Любовь Искарюта

ТРАГЕДИЯ

Виктор Кузьменко
Любовь Искарюта

«Издательские решения»

Кузьменко В.

Любовь Искарюта / В. Кузьменко — «Издательские решения»,

Действие трагедии разворачивается в древней Иудее в первом веке Нашей эры. Пророк Назарей со своими учениками на пути в Иерусалим встречает Иуду из Кариот.

© Кузьменко В.

© Издательские решения

Содержание

Сцена первая	6
Сцена вторая	8
Сцена третья	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Любовь Искарюта

трагедия

Виктор Кузьменко

*Сквозь пелену
злословья и молвы,
от первых дней
до дней моих последних,
влагая горечь
в страстные мольбы,
смирняя буйство
мыслей заповедных,
я тяжкий крест
безропотно несу
к своей Голгофе,
чтобы там распятым
простить за всё
оставшихся внизу.*

© Виктор Кузьменко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сцена первая

Иуда сидит с закрытыми глазами. Входит старец с клюкой.

Старец: Послушай, добрый человек.

Иуда открывает глаза, смотрит по сторонам.

Иуда: Я не ослышался? Ты это мне, старик?

Старец: Найдётся ли в суме твоей немного того, чем можно жажду утолить и голод?

Иуда: Найдётся. Вот, возьми.

Теперь ответь, старик, ты впрямь считаешь, что каждый встречный добрым может быть?

Старец: Равно на столько, насколько может быть он злым.

Иуда: Но ты сказал мне: добрый человек?

Старец: В любом из нас и свет и тьма. Что хочешь разглядеть, то и увидишь.

Добро достигнется добром.

Иуда: Красиво говоришь. А если б я не поделился с тобой ни сыром, ни вином, ты также утверждал, что я, Иуда, добрый?

Старец: Откуда знать мне, что в твоей суме?

Незнание – не повод для обиды.

Иуда: А если б я солгать тебе посмел?

Старец: Прошел, не подавая виду. Но зло, что ты в меня вселил, тебе бы злом и обернулось.

Иуда: Да? Всё это – так, слова.

Во лжи рождаются, живут и умирают и, умножая ложь – богатство умножают. Живи я правдою, как эта вот, твоя, нам пить пришлось бы из ручья, и были б мы голодные и злые. А так, глядишь, я добрый для тебя.

Старец: Не все пока к добру стремятся. Когда же каждый...

Иуда: Погоди. А как же с тем, что в нас плохое? Ты сам сказал: и свет и тьма.

Старец: Свет побеждает тьму.

Иуда: Но снова тьма приходит... В чередованье этом для ума, стремящегося суть постигнуть, подсказка вложена: что свет без тьмы? Всё то же, что тьма без света.

А добро? Как оценить добро, цены не зная злу? Что одному во вред, всегда другому – благо. Как их местами не меняй, с какой безудержной отвагой не бейся за добро, ты только злу поможешь.

Тебе ли, страннику, не знать, что стоит в высохшей пустыне простой воды один глоток? Но вот ты в лодке, и поток меж берегов тебя несущий – хотя так много в нём глотков – тебя уже не привлекает.

Старец: По-твоему, выходит, зло рождает добро?

Иуда: Да. Иногда лишь зло способно заставить разглядеть добро.

Старец: Нет, ты меня не убедил.

Иуда: Не убедил. А ты взгляни на это. Жучок древесный мал и сир, живёт своей заботой. С утра до ночи он в делах, так увлечён работой, казалось бы, ну что весь мир ему. Но приглядишь, подумай, чем лучше ты его?

Всё что пришло на свет, в одном едино – родиться, жить и умереть – вот смысл всего глубинный.

Старец: Мне разум дан, чтоб постигать.

Иуда: Но смерть не-по-сти-жи-ма.

Вот он без разума. Перст вознеси над ним. Смотри, как удирает. Откуда знать ему, что смертен он, а знает.

Так почему нам жизнь так дорога? Да потому что смерть придёт однажды. Смерть – зло? А не было бы зла? Тебе юнец ответит каждый: жизнь превратилась бы в кошмар, цепь слёз, страданий, горя, которой нет ни края, ни конца.

Старец: Ты не похож, конечно, на глупца. В твоих суждениях многое бесспорно, но слишком мрачны краски у тебя. Из всех цветов предпочитая чёрный, нельзя картину мира написать.

Иуда: А я другой её не вижу.

Я мог бы многое отдать, старик, чтобы увериться в обратном. Не первый год за этим и бреду, среди людей ища ответа. Повсюду только смрад и грязь.

Старец: Что ж, помогу тебе, коль хочешь. Ты тут о смерти мне как раз поведал, как о зле. А если это лишь начало бытия, врата в прекрасный мир?

Иуда: Загробный? (*смеётся*) Ты это сам придумал?

Старец: Нет, не я. Есть человек один. Подробней он мог бы всё растолковать, поверь.

Иуда: Откуда он, он иудей?

Старец: Как будто, точно я не знаю, но слышал много от людей, что родом он из Галилеи. Иисусом наречён, а с некоторых пор зовётся всеми Назареем. Христом.

Иуда: Спасителем?

Старец: Спасителем, сынок.

Иуда: Так-так. Запомню непременно.

(пауза)

Посмотрим, что он за пророк.

Сцена вторая

Вечер. Полуосвящённое помещение. Здесь все ученики Христа, его мать, Мария Магдалина. Иисус в центре, он о чём-то думает. Ученики переищтываются между собой, чему-то улыбаются женщины. Иисус поднимает руку.

Иисус: Бросая в землю зёрна доброты, полей обильно нежностью и лаской – взойдёт любовь и даст свои плоды. Собрав их, поровну, по-братски меж всеми подели скорей. Когда же каждый бросит семя, и станет мир среди людей.

(пауза)

Наш путь тернист. Когда-то этою дорогой я шёл один, теперь нас много, но помысел мой так же чист и свят. И рухнет старый храм, и будет он проклят, и взыйдет справедливость, и каждому воздастся по делам.

Что ж, на сегодня хватит. Хотел вопрос задать я вам, не стану время тратить. Кто человек тот, что всегда на проповеди тихо стоит в тени, не выходя на свет? Я чувствую, что в жизни много бед он испытал, обид и унижений. И на лице его написана мольба. Он никогда и ни о чём не просит и, всё же, взгляд его мне часто спину жжёт.

Иоанн: Если учитель говорит о рыжем плуте – его зовут Искарюта.

Матфей: Иуда он из Кариота. Дурнейшей славы человек.

Пётр: Его нам остеречься надо, как бы беды он не навлек.

Матфей: О нём я слышал очень много – все люди говорят вокруг – но ничего кроме дурного: коварен, лжив, не враг, не друг. К притворству склонен, алчен страшно, к тому-же на руку не чист. Задира злой и бесшабашный, игрок азартный, скандалист. И, если добрые евреи о нём нелестно говорят, то и плохие в Иудее Искарюта поносят. Он в дом вползает робкой мышью, выходит с шумом и скандал после него надолго слышен.

Иоанн: Хоть сам он безобразен с виду и сам не прочь поворовать – любому учинит обиду, любого может осмеять. Завистник чёрный и наветчик без совести, без чести, без стыда.

Пётр: Да! Да. Слыхал ещё, что бросил Искарюта свою жену. Она, бедняжка, милость просит, а он, бродяга, всю страну, всю Иудею взбудоражил, пройдя пешком из края в край, чиня раздоры, драки, лай, и ничего совсем не нажил.

Фома: Да у него детей-то нет. Видать и Богу неугодно потомство хитрое его.

Иисус: Не замечал ли кто того, что хочет с нами быть Иуда?

Ученики: Да, да!

Пётр: Конечно. Он повсюду за нами ходит по пятам.

Иоанн: Его услуги были кстати, он помогал, то тут, то там. Но так при этом изгалялся, противно кланялся, юлил, с такой насмешкой говорил, с притворством явным улыбался.

Лука: Какой-то в этом есть расчёт.

Фома: Замыслил обмануть кого-то?

Иисус: Кто встретит, передайте, ждёт Иисус всегда Искарюта.

Иоанн: Учитель?!

Среди учеников ропот.

Иисус: Его хочу я видеть сам. Молва – всем домыслам основа. Предстанет он моим глазам, а я пойму, что в нём дурного.

Матфей: Но, учитель?

Иисус: Пути начертанные нам не вправе мы переиначить. Какою дальней из дорог не обходи беду – не минешь часа, что назначен. Внимайте, я к тому веду, что лишни ваши

опасенья. Всяк в мире должен пронести свой груз в безропотном терпенье, тогда он сможет обрести покой. Пока ж смиримся с тем, что нелегко. Много терпенье всем вознаградится.

(пауза)

Фома: Он рядом здесь, недалеко. Я шёл к ручью воды напиться и повстречал сидящего его под деревом большим. Он будто спал, раскачиваясь мерно, но глядя прямо глазом неживым, что, словно плесенью, бельмом затянут. Мне показалось, даже травы вянут, смолкают птицы около него.

Все молчат. Иисус смотрит то на одного из учеников, то на другого. Лука встаёт и уходит.

Иисус: О чём ты, Пётр, загрустил?

Пётр: Иисус, я думаю о том, что вновь услышав этот голос, сдержаться мне не хватит сил. Он то визглив, как у сварливой, дурной жены бранящей мужа своего, то он плаксив, как у ребёнка, что сам не знает от чего он песню нудную заводит. То он, как гром небесный ходит меж облаками и гудит, раскатом землю сотрясая.

Иисус: Боишься ты его?

Пётр: Ты знаешь, сам не однажды говорил, что нет бесстрашней в Иудее, чем Пётр Симон. Наградил меня ты именем отличным, за твёрдость камнем нареча.

(к Фоме)

Где, говоришь он, у ручья?

Иисус рукой останавливает Петра.

Иисус: А ты, любимый ученик, ты Иоанн, сказать не хочешь, о чём грустишь? Или моя затея не пришлась по нраву?

Иоанн: Тебе видней, учитель. Нам же не по праву учителю идти наперекор. Непослушание влечёт с собой раздор, а мы всегда должны быть вместе. Коль цель у всех у нас одна...

Иисус: Достаточно, мне мысль твоя ясна.

(к ученикам)

Все думают, как он? Кто высказаться хочет?

Ученики неодобрительно переглядываются, но все молча опускают глаза.

Низко кланяясь, осторожно и пугливо вытягивая вперёд голову, входит Иуда и останавливается поодаль. Лука возвращается на своё место. Иисус встаёт и оглядывает учеников.

Иисус: Поближе подойди. Врагов среди нас Иуда не найдёт. Смелей, смелей, Искарюта.

Иуда подходит, заискивающе улыбаясь, но с опаской поглядывая по сторонам. Иисус внимательно рассматривает его.

Иисус: Сядь рядом, брат.

Иуда занимает место Иоанна, тот обиженно глянув на Христа, безглаголиво отодвигается от Иуды.

Иуда (притворно кашляя): Я болен, братья, я так болен. Всё тело ноет у меня. В боку моём и жжёт и колет и не было такого дня, чтоб не давило грудь мне камнем. И ночи не было

такой, чтоб я проспал её до утра, и боль не прервала покой. Потом хожу я, как разбитый, меня сморяет солнца свет. Больной и всеми позабытый...

Иоанн (к Петру): Ну, как тебе Иуды бред?

Пётр: Он лжёт бесхитростно, простак.

Иуда: Поднявшись в гору кое-как, стоя у пропасти в волнение, такое головокружение овладевает мною, что я готов уж броситься оттуда, покончив эти муки враз.

Пётр: Не вытерплю, уйду сейчас.

Иоанн (заметив на себе взгляд Иисуса): Теперь ты с нами, брат Иуда!

Пётр (глядя на Иоанна, удивлённо): Да-да, теперь ты среди нас.

(что-то сообразив)

И это ничего, что страшен, уродлив, как засохший гриб. Мы пострашней ловили рыб, в сетях запутавшихся наших. Не нам, отважным рыбалям господу нашего, в испуге бросать улов коль страшен он, колюч и одноглаз. Бывает, чем страшнее рыба – она вкусней других подчас. Однажды в Тире осьминога на берег вывели в сетях, а рыбаки вокруг шутили, все были рады. Мной же страх так овладел. В своей Тавериаде я отродясь не видывал страшней. Когда же, страх переборов, я съел кусочек осторожно, то понял – ничего вкусней не пробовал, чем мясо осьминожье. Учитель, помнишь, я тебе уже рассказывал об этом и ты нашёл историю смешной?

Иисус, улыбаясь, кивает.

Пётр: Ты же, Иуда, лишь одной своею стороною похож на осьминога. Он, как и ты, был одноглаз и староват немного.

Несколько учеников подходят и похлопывают Иуду по плечу. Он им кивает с усмешкой. Фома, ничего не понимая в происходящем, смотрит то на Иуду, то на Христа. Пётр с несколькими учениками уходит, продолжая что-то рассказывать. Иуда, почувствовав на себе взгляд Иоанна, подходит к нему.

Иуда: Отчего, Иоанн, молчалив, как трава в том саду, куда ветры не вхожи? Знаю я, что твои дорогие слова на плоды золотые похожи. И хранятся они на виду у других в драгоценном хрустальном сосуде... Не найдётся ли то, что получше из них для больного, слепого Иуды?

Иоанн молчит, презрительно разглядывая Иуду. Иуда сгорбившись отходит. Уходят все.

Иуда: Так-так. Так.

Сцена третья

То же помещение. День. Лука, Илья и Матфей беседуют.

Илья: С тех пор, как среди нас Искарот, прошла всего неделя, а сколько всяких перемен.

Лука: Ты прав, на самом деле хозяйство он с умом ведёт. Не зря ему Иисус доверил наш ящик денежный. И быт ярмом тяжёлым не лежит на нашей шее. Ежедневно для нас готов и кров и стол.

Матфей: Он в винах знает толк.

Лука: И выберет барана пожирнее.

Илья: Но лжёт он, братья, что ни час.

(смеётся)

Подходят Пётр, Иоанн и Андрей.

Матфей: У каждого есть странности из нас. Чего уж там. Да и какая это ложь, коль нам она вреда не причиняет?

Лука: Скорее даже веселит.

Матфей: Когда рассказ он начинает, мне кажется, что в сказку я попал, в смешную сказку про Иуду, которого обманывают все.

Пётр: Его конёк любимый. Дай только сесть – и пыль из-пол копыт.

Матфей: А мне, когда молчит Иуда, грустно всё ж бывает.

Входит Иуда. Рядом с ним Филипп, Иаков и Фома.

Иаков: Вот тут Иуда утверждает, что не встречал из тех, кого он знал и знает, ни одного, чтоб в корысти своей не совершил хоть раз дурной поступок или закон не приступил.

Иоанн: Искарот, ты это говорил?

Иуда: Да. От чего ж не говорить?

Иоанн: Тогда, кого хорошим ты считаешь?

Иуда: Того, кто скрытым может быть всегда от любопытных глаз, что рядом. Умело прячет мысль, поступок свой. Его ты не тревожь. А приласкаешь, выпросишь, как гной из застарелой раны польётся мерзость, пакость, ложь.

Иуда тоже лжёт, но все вокруг не меньше. И, если кто обманут – это я! Мне приходилось в разных быть краях и всюду правят ложь с обманом. Но я ничуть не вижу это странным. Хотя, обидно иногда. Случалось, что один и тот же по многу раз обманывал меня. К примеру, тот, что у вельможи его богатство охранял. Сознался мне он, что не может перебороть свой вечный страх. Поверил я ему в сердцах и, как вы думаете, что же? Сказал: боюсь, а сам... украл. Я и тогда ему поверил, а он Иуде вновь солгал и возвратил всё до обола. Да что там люди, помню, молод ещё я был и встретил пса лежащего в пыли возле дороги. Хотел я приласкать – он палец покусал.

(показывает палец)

За палку взялся – лижет ноги.

(вздыхает)

Я пса того убил. И закопал потом. И камнем придавил огромным посильнее. Но может от того, что я его убил, он стал ещё проворней и живее и лает где-то весело сейчас, вертя своим хвостом мохнатым?

(все смеются)

Ну вот, я вам солгал чуть-чуть. За это можно виноватым считать Иуду, или нет? Я пса не убивал. А, пусть себе живёт.

(Иуда смеётся один)

Пётр (*строго*): Ну, а твои, Иуда, мать с отцом, какие они были люди?

Иуда (*разводит руками*): А кто был мой отец? Может быть тот, что розгой бил меня? Петух ли? Дьявол ли? Козёл? Откуда мне-то знать всех тех, с кем длинными ночами делила ложе мать, откуда? Отцов так много у Иуды. Который точно нужен вам?

Матфей: Ты вспомни: «кто злословит отца и мать свою, того светильник погаснет среди тьмы глубокой!»

Иоанн: А мы? О нас дурного сколько Иуда может рассказать?

Иуда: Ах, искушают, искушают Иуду бедного опять.

Все снова смеются. Пётр отводит Иуду в сторону.

Пётр: Ну, а Иисус? Что думаешь о нём? И не шути, тут было шуток много.

Иуда (*вкрадчиво*): А ты что думаешь?

Пётр: Я? Я. Я думаю, что он – сын Бога.

Иуда: Причём тогда Искарот, чей папа был козлом?

Пётр: Но ты Иисуса любишь?

Иуда: Люблю.

Пётр уходит, Иуда возвращается к ученикам.

Фома (*задумчиво*): И всё же ты скажи мне честно...

Иуда: Уйди, Фома. Потом, потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.